

ЕВГЕНИЙ ЗАХАРОВ

Родился в 1980 г. в Таре. Работает фотокорреспондентом в районной газете «Тарское Прииртышье». Участник регионального литературного семинара поэзии и критики «ПарОм» (г. Тара). Стихотворения публиковались в коллективном сборнике «ПарОм» (Омск, 2013). В 2012 и 2013 гг. участвовал в ПарОме.

ВСТРЕЧА С САМИМ СОБОЙ

Он шёл по улице. Ветер с опустошающей душу интонацией дул в горлышко пивной бутылки. Шёл молча, поскольку разговаривать было не о чем и не с кем. Гул и шелест, гул и шелест, и овладевающее всем его существом чувство осознания всего, что происходило вокруг, словно ветер распылял его в суть мира. Он любил такие мгновения. Казалось, что мир с ним предельно откровенен. Тем не менее он шёл домой, несмотря на то, что хотелось идти и идти. Абсолютно бесцельно идти мимо дома. Хотелось сбежать от всего, к чему привык.

– Ну, здравствуй. Что, опять пришёл домой?

Было сложно ответить на вопрос, поскольку он не чувствовал себя дома, несмотря на то, что уже сидел на привычном ему диване и собирался приготовить чай.

– А как же просторы? А... впрочем, какая разница... чего молчишь?!

– Извини, мне хочется побыть одному, – ответил он.

– Вы посмотрите на него! Одному ему захотелось побыть! Ты по сторонам посмотри!

Не меняя выражения лица, он медленно просканировал комнату взглядом, смотрящим не «на», а «сквозь».

– И что? Чего я здесь не видел?

– А то! Ты один! Или ты ждёшь, что я сейчас вырвусь из тебя, материализуюсь и убегу? Кретин! Ты же сам с собой разговариваешь.

– Я знаю. Меня это не смущает. Хочешь, я тебе имя придумаю? И, кстати, по поводу

разговоров с самим собой и кретина: я ведь то же самое могу сказать в твой адрес, ты же тоже со мной разговариваешь. Так что не «я разговариваю», а «мы беседуем». – Некая недоумевающая пауза позволила услышать закипающий чайник.

– Хм... Ладно... Таак... а что ты там насчёт имени сказал?

– «Северным» будешь? Или, может, пойдём чаю молча попьём, а потом уж и обсудим этот вопрос, согласен?

– Заманчиво, конечно... – в разговоре вновь образовалась пауза, но уже не от недоумения, а от нерешительности рождающейся мечты. – Про имя ты это здорово придумал. Согласен.

Он взял свою дежурную кружку и отправился на кухню наливать чай. Проходя мимо зеркала, они встретились взглядами, смотрящими «сквозь».

РЕБЁНОК 21-ГО ВЕКА

– Пап, а пап, что такое жажда жизни?

– Ну, это, к примеру, когда дядя врач скажет человеку, что тот сильно болен и скоро умрет, а человек ещё очень долго живёт и делает полезные дела. Вот, значит, у этого человека есть жажда жизни.

– Мне воспитательница сказала, если я буду есть невымытые яблоки, то заболую и умру, а я не заболел и ещё долго не умер. Значит, у меня есть жажда жизни?

– Конечно, есть, сына! Только яблоки невымытые есть всё равно не стоит.

– Почему? Я же смотрю! Они чистые!

– Да заразу можно подхватить, от которой понос будет.

– Фууу... поноооо! Это как у Насти? Мама уже такууую гору пеленок перестирала! А у Насти есть жажда жизни?

– Обязательно! У маленьких у всех жажда жизни самая сильная.

– Хорошоо, значит, Наська не умрет, а то у нее давноооо уже понос.

– Нет, конечно! В нашей семье от поноса не умирают!

– Пап, пап! Можно в сталкера поиграть? Я там артефакт нашёл новый. «Жажда жизни» называется!

– А давай вместе, по сетке! Покажешь, где нашёл?

– Ура! Давай!

ТИМОФЕЙ

Однажды Тимофею приснилось, что зацвели акации, но цвели они в декабре, то есть второй раз в году. Пробуждение обрушило на него шквал разнообразнейших чувств и ощущений, общее значение которых было близко к слову «осторожно!». Что-то, а опасность Тимофей мог разглядеть за версту, в какое бы обличие она ни была одета.

– Тааак... – сказал он в пустоту и принялся сгрести венки и искусственные цветы в один угол, а из другого угла начал выгребать краски, кисти и мольберт.

Слово «мольберт» в голове Тимофея ассоциировалось с молитвой. Следовательно, и назначение самого мольберта было несколько иным. Он собирался молиться, а не рисовать, что вполне естественно означало для него – запой.

– Зелёный! Возьми зелёный! – кричал Тимофей, лёжа у мольберта на седьмой день запоя, причём уже четверо суток не принимая вертикального положения. Он перемещался из угла в угол строго на четвереньках и периодически вспоминал трактат какого-то учёного об экономической выгоде для государства от пошива дамских перчаток и сумочек из кожи чертей.

Иногда Тимофей понимал, что он конечный эгоист, прячущийся от нравоучений родных в подвале бывшей детской библиотеки. В этом же подвале он прятал свою страсть к похоронным венкам, уединению и пьянству.

– Зелёный! – почему-то заплакал. – Зелёный...

Он вспомнил игрушку, подаренную в детстве дедом: жестяной пропеллер, который раскручивался на юрке от ниток и взлетал. Вспомнил, как спал с этой игрушкой, пряча её под подушку, и прекрасно понимал, что

рано или поздно дед умрёт. Дед! А потом он! Тимофей решил ползти в угол с венками, но угол с холодильником, в котором лежала водка, оказался ближе. Пока он открывал холодильник и с трудом извлекал из него очередную бутылку водки, в голову пришла мысль: «Как было бы символично умереть в углу с венками, сделанными собственными руками, не придавая значения тому, чью могилу они украсят».

– Э, неее! Я ещё подвиг не совершил! – смело заявил Тимофей и припал к уже распечатанной бутылке. – Я ещё встану!

После затяжного глотка, с постепенно приходящим умиротворением, он вновь пополз к мольберту. В тот момент, когда Тимофей взял зелёный, перекрытия старой библиотеки всё же решили рухнуть.

– Итак! Дамы и господа! Последний лот аукциона! Работа Тимофея Неизвестного «Молитва в зелени». Начальная цена N тысяч! N тысяч – раз, N тысяч два...

КТО ТЫ?

Иногда я люблю вспоминать. Вот и сегодня, дождавшись, когда все уснут, я потихоньку включил Clan Zu и... В груди сразу стало хорошо и трепетно. Чудесный выдался август. Вершина холма. Теплый ветер. Неразговорчивая радость с капелькой грусти... Бескорбные похороны былого и рождение невероятно нового.

Я уверен, что каждый листочек, каждая травинка и воздух знают всё, о чём я думаю и что чувствую. Они знают, что мне нужно, и помогли остаться с тобой. Теперь ты – мой тёплый ветер, ты – моя травинка, ты – мой лес, чувствующий осень. Я помню, как безудержно бежал по склону холма, одновременно плакал и радовался от необычайного чувства единения с природой, от любви к тебе. Если смешать радость, спокойствие, фейерверк, грусть, фонтан, лёгкость, тёплый вечерний ветер, рассвет, слезу, танец, закат и ночь, то получится моё счастье, которое я испытываю благодаря тебе. Кто ты?

ВЕРНЫЙ. ПРОЩАЙ И ЗДРАВСТВУЙ

–Тише-тише.

Шептали деревья.

– Ты был, ты видел, ты помнишь. Тише-тише.

Ветви тянулись к лицу, пытались вращать в глаза, поднимали тело высоко над кронами, подставляя его первым лучам рассвета. Этим утром мох напоил его росой, а сосны доверили янтарные слёзы. Осталось дожидаться Ветра.

От мощного порыва макушки крон покорно склонились. Деревья стонали, выли, скрипели, но это не было просто гулом... это была песня – Ветер выбирал сердце. Сделав свой выбор, он обрушил всю мощь на одно дерево, сломав его пополам. Сосны-соседки с треском подхватили сорванную макушку избранницы, не давая ей упасть. Они пели прощальную песню своей сестре, держа её на своих ветвях, как язык колокола. Теперь Ветер успокаивающе нежно принялся раскачивать избранницу, задавая нужные амплитуду и ритм. Снова порыв... треск... И... Ствол висячей кроны глухо ударился о ствол одной из соседок – это был первый удар сердца. Я вдохнул.

По всем мышцам прокатилась судорожная, подбрасывающая тело волна. Вспышка. Яркая мгновенная вспышка, которую столь же мгновенно сменила тьма, продёргивая меня сквозь пустоту, – выдох. Ещё один порыв ветра. Ещё один глухой удар вдаль. Ещё один вдох. Тьма уходила двумя пятнами из глаз и, неторопливо прячась в тенях чащи, намекала на возвращение.

Белый пёс, с искрящейся как снег шерстью, тыкался мокрым носом в ладонь и, словно соскучившись, безмолвно заглядывая в глаза, упрашивал погладить его.

– Я тоже соскучился по тебе, дружище... – Не сдержавшись, я крепко обнял пса и прижал к себе. – Давно мы с тобой не виделись. Можно, в этот раз я назову тебя Верный?

Пёс довольно замахал хвостом и, высвободившись из объятий, всем своим видом призывал прогуляться.

– Веди.

Мы побрели в сторону мерцающих, пробирающихся сквозь гущу деревьев лучей. Каждое движение Верного было пропитано грацией, изяществом, лёгкостью и тишиной. Он призывал меня идти быстрее, то убегая вперёд, то возвращаясь, с недоумением заглядывая в глаза, и с искрящимся азартом вновь устремлялся вперёд. Очарованный псом и заражённый его радостью, я постепенно ускорялся. Спустя мгновение, сам того не заметив, я уже стремительно бежал наравне с Верным, легко и играючи преодолевая лесные препятствия. Мы были одним целым. Я был белым искрящимся псом! Впереди показалась широкая полоса просвета, запахло полевыми цветами и травами, воздух становился теплее. Охваченный новыми ощущениями, я одним рывком преодолел последние метры леса и с грацией пантеры выпрыгнул в залитое солнцем поле. Приземлился, кубарем прокатившись по душистой траве. Остановился. Обернулся. Замер. Верный, рассыпаясь на миллиарды ярчайших искр, уже спокойно брёл по прямой мной траве. В его взгляде отчётливо читалось: «Мне пора».

Порыв ветра. Ещё два ритмичных глухих удара из глубины леса. Вдох.

ИДИ-ИДИ, БРАТ, Я ПОСВЕЧУ

Не знаю, сможете ли вы прочувствовать всю глубину, простоту и какую-то необъяснимую, не постесняюсь слова, высокодуховность рядового тарчанина, которую я сейчас попробую описать на примере одного из своих поздних вечеров осенне-зимнего периода.

Итак, погружайтесь. Двадцатые числа ноября. Обилие снега и темень. Метёт так, как не в каждый февраль мело. Дорожники не успевают чистить дороги, а пешеходы не успевают протапывать тропинки. Я, неумолимо пьяный, возвращаюсь домой.

Бреду под впечатлением от немногословной беседы с одним из музыкантов, который хочет учить и учит тарских младших школь-

ников мастерству игры на духовых инструментах. Радуюсь тому, что не перевелись люди с ценным опытом и есть дети, которые перенимают этот опыт не из-под чьей-то палки, а по собственному желанию. Состояние настолько возвышенное и пьяное, что меня ничуть не смущают ни темень, ни сугробы, ни ветер и снег в харю, и даже безнадёжная нетвёрдость собственной походки где-то далеко-далеко в стороне от испытываемой трогательной радости за людей. Иду, в общем, петляю.... И вдруг сугробы узкой тёмной улочки посветлели, начали играть тенями, и ко мне стала, уменьшаясь, приближаться моя ожившая тень. Я прижался к обочине, понимая, что сзади приближается авто. Старался идти как можно ровнее, чтобы водитель мог не нервничая обогнать пьяного пешехода, но он всё не обгонял и не обгонял. Тогда я остановился и повернулся лицом к фарам, давая понять, мол, «проезжай». Вот в этот момент и случилось то, чего я никак не ожидал: из бокового окна высунулась голова водителя, и я услышал то, что уже ни когда не забуду: «Иди-иди, брат, я посвечу».

Может, кто-то и представит, что со мной творилось, пока я шёл каких-то сто метров под светом фар незнакомого автолюбителя, но у меня не найдётся слов, чтобы однозначно и точно передать непередаваемое. Скажу лишь, что я улыбался, слёзы текли ручьями, и я не мог и не хотел их останавливать, а в спину светил СВЕТ.

Илмир Колдашев

Родился в 1973 году в г. Андижан (Узбекистан). Руководитель физического воспитания Тарского медицинского колледжа. Стихи публиковались в периодических изданиях г. Тары, в коллективных сборниках «Ловцы слов» (Тара, 2002), «Студенческая весна» (Тара, 2008), «Вечера на Александровской» (Тара, 2011). Участник выездного семинара молодых литераторов при Союзе писателей России (Тара, 2010). Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

* * *

Лишь звёзды нам расскажут о затонувших кораблях. Лишь они, случайные очевидцы, поведают о без вести пропавших и ушедших в никуда. Лишь ветра напоют о разбитых сердцах, превратившихся в прах, и душах, ушедших в вечный поход за счастьем. Лишь в романтических снах прочтём мы строки недописанных стихов и разорванных в клочья писем.

Судьба ведёт нас по жизненному пути, и всё увиденное – не случайно. Может, стоит приглядеться, прислушаться?

* * *

Закончилась зима, и вот уже третий месяц идёт наступление лета. Зелень начинает пробиваться к небу. С минарета мечети хорошо просматриваются ожившие от снега поля. Река на апрельском месяце.

По берегам реки Аркарки рыбаки играют с рыбами в молчанку.

Всё это дарит особое настроение, и, когда вечерний город погружается в таинственную тишину, кажется, постепенно умирает прошлое Вселенной.

А ранним утром, когда солнце пробьётся сквозь армию туч, по-восточному щедро даря своё тепло, станет ясно, что можно ещё улыбаться и жить.

* * *

Осень в городском парке – словно после выступления летнего оркестра, вся в ожидании разлёта уже ненужных, выброшенных нотных листов. Или пожухлых листьев? А ведь совсем недавно на узких аллеях гостило лето. В медленном вальсе цветов растворился, исчез куда-то пух тополей. Что же надо ей, этой осени печальных воспоминаний? Ждёт ли она нашего сочувствия?

Может, просто хочет указать на двух школьниц, пригревшихся на скамейке в сигаретном дыму?

Спросишь у них что-нибудь, но с накрашенных губ девушек слышится лишь: «пацаны...», «пацаны...». Эти школьницы – чья-то юность.